

Т И М У Р   Н А С Ы Б У Л Л И Н,
А Н Д Р Е Й   С Т О Л О В

Памяти В. В. Маяковского

Б   А   Н   Я

Закордонная комедия, содержащая
три акта

Действующие лица:

- Латыпов Рауф* - страстный любитель бани.
- Еремина Рушана,
Абреимова Юля,
Лавизина Оксана* - купальщицы, любительницы душа.
- Турцев Глеб* - любитель поиграть в бадминтон с Оксаной Лавизиной.
- Утяганов Сайяр,
Спектор Михаил,
Фаткуллин Наиль* - любители выпить с Чистяковым.
- Чистяков Дмитрий* - любитель трезвого образа жизни.
Григорьев Игорь - воспитатель-социолог, любитель поглазеть в телескоп.
- Потиха Марк* - школьник, любитель поглазеть на Григорьева, глазеющего в телескоп.
- Сафин Масгут Махмутович*
и
доктор *Юрий Саныч* - лесные санитары, любители икебаны.
- Столов Андрей,
Насыбуллин Тимур,
Куцевол Владимир* - вожатые-любители.
- Рябов Алик, он же
Тухватуллин Оскар* - любитель прикинуться веником.

Марат Крамин, он же
Тимур Крамин – любители двоиться в глазах.

Мадьярова Инна, она же
Чумакова Инна – любительницы поездок в Казань к
мужу.

а также

Виктор Пекуровский, пьяные строители, гопники,
победительницы конкурса красоты, общество "Булгар аль
Джадид, активисты Татарского Общественного Центра и
другие.

А К Т I

Явление 1

Ночь опустилась на старый Кордон. Из бараков школьников доносится дружный храп, хрипы и звон бокалов. На авансцене чадит самовар. Бросаемые им блики освещают стоящую в глубине сцены баню. Перед ней на лавочке Спектор и Утяганов курят в задумчивости.

Утяганов (пуская дым колечками): Жениться что ли? (Проходит двадцать минут.) ...Или не жениться? (Проходит еще десять минут.)

Спектор: Прости, я прослушал.

Утяганов: Я думаю, жениться мне или нет?

Спектор: Я в свое время думал о том же, но Людмила была другого мнения.

Утяганов: Хорошо. Допустим, жениться. Тогда на ком?

Спектор: Насколько я понимаю, утром было пять вариантов. Далее, Чумакова и Мадьярова уехали в Казань – остается три, хотя ни один из них моя Людмила бы не одобрила. Вообще, мой личный опыт подсказывает, что жениться надо на женщине, а на ком именно – этого мой личный опыт не подсказывает. Словом, ты можешь предложить руку и сердце кому угодно.

Утяганов: И ты думаешь, она согласится?

Спектор: Безусловно! Хотя это не при Людмиле будет сказано. Здесь важно правильно начать. Лучше всего, похвали ее маму или папу. Сделай им комплемент.

Утяганов: А если я не знаком с ее родителями?

Спектор: Тогда просто скажи ей о своем постоянстве, о верности до гроба. Кстати, кажется один вариант к нам

идет. Ну же, смелее. Приступай к делу, не мешкая!

(Появляется *Еремина* с мочалкой и полотенцем.)

Утяганов (подходя к ней): Рушана! Я плохо знаю твоих

родителей, и поэтому хочу сказать, что я человек постоянный и сохраняю верность до самой смерти...

Еремина: Сайяр, перестань. Ведь я уже сказала - нет!

Спектор: Сайяр, ты пока сядь. Рушана сейчас не в настроении. (Подходя к ней) Одну минуту, Рушана, всего одну минуту. Я хочу сказать, Рушана, что я очень, ты слышишь, очень хорошо знаю твоего папу. О, что он за человек! Он был мне гораздо больше чем научный руководитель! А я был балбес. Балбес балбесом. Бывало, прихожу к твоему папе, всю ночь перед этим писал пулю, глаза такие сонные, самому стыдно - а он смотрит на меня так ласково-ласково и говорит: "Миш-ша! Миш-ша, Какой Вы нынче ... измученный. Отдохнули бы!" - Это его

слова. А я молчу, а самому так и хочется воскликнуть: "Папа! Папочка!..."

Еремина (обрывая): И с этим все ясно!

Спектор: Но я просто хотел...

Еремина: Довольно. Гуд бай, май лавс! (скрывается за дверь бани.)

Утяганов (*Спектору*): Ну вот, а ты говорил...

Спектор: Спокойно. Я говорил - она не в духе.

Потом, не с первого, так со второго раза...

(Появляются *Абреимова* с шайкой и *Лавизина* с веником).

Утяганов (вскакивая): Девушки! Я человек строгих убеждений и всегда сохраняю верность до конца...

Лавизина: Сайяр, это ты кому из нас?

Утяганов (опешив): Да, действительно, что-то я не

то... (смущенно садится).

Спектор: Девушки! Уделите мне всего одну минуту. Я должен сказать, что очень хорошо знаю вашего папу... Ой, чего это я...

Абреимова: Ребята, вы, наверное, очень устали.

Лавизина: Нечего их жалеть! Пока мы будем мыться, пусть следят за порядком в лагере. И чтобы в баню никто не заходил! (С досады сплевывает в самовар и вслед за Абреимовой входит в баню.)

Спектор (обиженно): За порядком следить! Ишаков нашли! (Замолкает.)

Утяганов: Облом! Опять облом! Сейчас пойду к Чистякову и напьюсь.

Спектор: Ты прав, Сайяр. Чистяков – вот лучшее средство от неразделенной любви! (Уходят на поиски Чистякова.)

Явление 2

Чистяков (появляясь с другой стороны сцены, кричит):

Эй, кто-нибудь моется?

Голоса из бани: Да!

Чистяков: А-а, это вы! А Сайяр у вас?

Голоса: Нет! Нет его!

Чистяков: А где он?

Голоса: Не знаем!

Чистяков: Если вдруг зайдет, передайте, что я буду у себя на даче! (Уходит.)

Явление 3

Перед самоваром появляется *Масгут Махмутович Сафин*. Нервно напевает:

Красным угаром чадит самовар
В синих прибрежных кустах.
Если в палате вожатых базар -
Дети стоят на ушах.

(икает. За Сафиным движется пьяный кордебалет в робах и строительных шлемах. В зрительном зале раздается свист. Оттуда вылетает кирпич, попадая в одного из участников кордебалета. Раненого уводят.)

Сафин: Совсем пионеры озверели! (икает) А где у них начальство? (Открывает дверь в баню.) Здесь Григорьева нет?

Голос Ереминой: Ша как шайкой заеду!

(*Сафин* икает и закрывает дверь. Раздается вой. На сцену, лязгая зубами, вбегают *Куцевол*.)

Сафин (*Куцеволу*): Где Григорьев?

Куцевол (воет, не обращая внимания): В Дале-е-екой бухте Тимбукту...

Сафин (икает): Кто здесь отвечает за порядок ночью? Эй, ты меня слышишь?

Куцевол (останавливаясь у самовара): Do not understand Russian.

Сафин: Не лагерь, а скопище верблюдов! (Икает, затем сплевывает в самовар и уходит.)

Куцевол: Верблюд? Что он сказал? Верблюд?? Если я правильно понял, мне только что пытались нанести оскорбление. Что остается бедному *Куцеволу*? А? Я тебя спрашиваю? Что остается? - Смыть! Немедленно смыть! (Направляется к бане.)

Голос Лавизиной: Вовка, получишь!

Куцевол (оживившись): Татарча бельмым. (Из окошка бани высовывается три кулака.)

Куцевол (почесывая затылок): М-да... Я один, а их трое. Это не справедливо! (Сплевывает в самовар и

уносится со сцены под звуки канкана.)

Явление 4

Канкан еще звучит, а из самоварной трубы уже вылезает *Латыпов*. Отряхиваясь, критическим взглядом окидывает самовар.

Латыпов: Кипятка маловато. Но на вечерний чай, думаю хватит. М-да. Закипит не скоро. Пожалуй, успею принять душ. (Заходит в баню и тотчас выскакивает ошпаренный.)

Латыпов (кричит): А-а! (Потом еще громче) А-а!
(Слышно эхо. Постепенно голос его приобретает электронный тембр. Включаются ударные и бас-гитара. На сцену выскакивает кордебалет в составе Бориса Гребенщикова и группы "Аквариум". Темп музыки ускоряется. *Латыпов* подходит к микрофону и поет под фонограмму:

У меня был друг Насыбуллин Тимур,
Он забыл все слова кроме слова "ля мур".
Здесь сторож - собака, а школьник хамит,
Наверно в моем самоваре СПИД!

(в сердцах выбрасывает самовар с кипятком в зрительный зал. Несмотря на крики и стоны обожженных, продолжает):

Припев:

Я устал пить чай, устал пить вино,
Я чист душой, но грязи полно.
Три мочалки украл у детей,
Только в баню не влезть и в окно!

Рушана носит платье, Оксана халат,
У той и другой кипятка ушат.
Ты можешь жить любя, ты можешь жить грубя,
Но сунешься в баню – ошпарят тебя.

Припев.

Я был в "Орбитали", я видел "Кордон" –
И то и другое – бардак и притон.
Доктор – в икебанае, педагоги – кто где,
Вожатые – в бане, дети – в воде!

Припев.

Явление 5

Репродуктор на сцене начинает издавать непонятные звуки. Слышны причмокивания и возгласы: "Дорогие друзья!" На слове "друзья" репродуктор выплевывает на сцену *Потиху* и замолкает до конца действия. *Потиха* ест бутерброд с колбасой, стараясь проскользнуть незамеченным мимо *Латыпова*, но тот хватает его за шиворот.

Латыпов: Стой, кто идет!

Потиха (лихорадочно засовывая в рот остатки бутерброда): Бу-бу-бу...

Латыпов (пытаясь вытянуть у него хоть что-нибудь изо рта): Почетче, пожалуйста.

Потиха (окончательно заглатывая бутерброд): Я иду.

Латыпов (дуя на укушенный палец): А почему не спишь?

Потиха (наглея): Ужинаю.

Латыпов: Для ужина есть столовая!

Потиха: После нее я уж точно не засну.

Латыпов (свирепея): Так что, я за тебя должен эту

бурду есть?!

Потиха (пытаясь вырваться): Это твоя личная беда. И вообще, как сказал Сайяр: "Не ешь, что попало, особенно на следующее утро!"

Латыпов (беря собеседника за горло): Ну, а что еще сказал твой Сайяр? Говори!

Потиха (хрипит): Ездить в Квант не хы-хы-хы-хы!

Латыпов: Не хы-хы-что-хы?

Потиха: Я все скажу, только не души!

(*Латыпов* ослабляет объятия, *Потиха* поет фальцетом):

Ездить в Квант - не фунт изюма.
Мы сидим с тоской, угрюмо.
Вот уже неделю мы
На физфак заточены.

А мы хотим туда, где солнце воздух и вода,
Где живут овчарки и Масгут!
Но сказал вчера Сайяр,
Что людей задаром в лагерь не берут.

Наконец мы на реке,
Все пожитки - в рюкзаке.
Здравствуй, старый добрый лес,
Полный сказок и чудес!

Но на Кордоне бешенный комар,
Цапнуть норовит и там и тут.
И сказал, скребясь Сайяр,
Что людей задаром в лагерь не берут.

До конца тот не дотянет,
Кто в столовой есть не станет,
Хоть столовская еда
С неудобствами всегда.

За обедом жег затылки солнца жар,
С ужином дожди в тарелку льют.
Хлюпает в углу Сайяр,
Что людей задаром в лагерь не берут.

Ты на лекции не вздумай спать -
Может лектор покусать!
А как ночка настает,
Он с гитарой к нам идет.

Ну не жизнь, а форменный кошмар,
Нам поспать и часа не дадут!
И твердит садист Сайяр,
Что людей задаром в лагерь не берут.

Если в год не повезет,
В Кванте не народ, а сброд.
Там никольский, тут хоть свой,
Но вконец такой-сякой.

Вчера из-под подушки лифчик спер какой-то гад,
Знает только черт, что завтра украдут.
Да, конечно, прав Сайяр,
Что людей задаром в лагерь не берут.

... Тащим по мосткам багаж и кладь,
Нынче утром уезжать.
Белоснежный пароход
На реке гудок дает.

А с пристани кричат Аркаша и Ильдар,
Они в Казань уже не доплывут.
И тогда сказал Сайяр,
Что обратно тоже даром не берут!

Латыпов (морщась): Нет, мне это не нравится. Да и голос у тебя не такой как у Арины Родионовны. Займемся лучше декламацией. Клятву помнишь?

Потиха: У меня... склероз!

Латыпов (сильнее сдавливая горло) А если подумать?

Потиха: Я, малолетний учащийся ЛФМШ "Квант"...

Латыпов: Так-так...

Потиха: ... у которого еще не упала пелена с глаз, полностью не прорезались зубы и не обсохли молочнокислые продукты в соответствующих местах...

Латыпов: Так-так...

Потиха: ... Я, еще не достигший критической массы, не доросший до уровня мировых стандартов, еще путающий ложку с тарелкой и активно не включившийся в демографическое движение - являюсь бесформенной биомассой, из которой вожатые пытаются слепить нечто по своему образу и подобию...

(В это время на просцениуме появляется *Махотин*.
Потиха замолкает.)

Махотин (*Латыпову*): А, это ты, гибрид Ушинского и Макаренко! Зачем ты мучаешь этого (задумывается) - Похабку?

Потиха: Я не похабка!

Махотин (что-то вспомнив): Ах да - Похлебка!

Потиха: Я Потиха!

Махотин (опять задумавшись): А впрочем, продолжай!
(Садится в угол сцены и наблюдает за экзекуцией.)

Потиха (продолжает читать.)

... Кто я перед вожатым? - Шапокляк перед Чебурашкой! Дырявый сосуд, который безуспешно пытаются наполнить, электричка, потерявшая управление и стремительно катящаяся под откос. Я словно загнивающий империалист, севший на своего любимого конька, словно мальчуган, за забором зеленых умозаключений не

замечающий океана Вселенной, словно демагог, в волне разгильдяйства пытающийся разглагольствовать о своей правоте.

Однако я еще юн, и во мне не потухли отдельные светлые места. Я аки воробей, летящий к Солнцу и чирикающий из себя Икара, аки нежно пахнувший цветок, обещающий превратиться в огро-о-омную пустотелую тыкву, аки желудь, мечтающий породить дуб, а не достаться свиньям. И теперь я несую свой идеал на груди, в виде абстракта, высиживающего земной шар.

Мой старший брат по разуму - вожатый, без участия которого не могу ни поесть я, ни поспать в свое удовольствие. Кто для меня вожатый? - Геракл, разбивающий мой ржавый замок непониманья, затычка для моего дырявого сосуда. Если я - яйцо, то вожатый - породившая меня курица, если я желудь - то вожатый - дуб, если я - болтун - он язык мой, если я мел - тогда он тряпка, ну а если я апельсин, то вожатый - свинья, если же я человек, то вожатый - сидящий на мне и не дающий успокоиться комар.

И сейчас, стоя перед лицом моих товарищей, я торжественно клянусь: Изучить физику и математику, даже если на это потребуются вся моя жизнь; Чтить светлую память вожатых прошлых лет, а также ныне здравствующих, не скучать, не унывать в "Кванте", а также вдали от него. Клянусь не есть за обедом картошки, не пить, не сорить, не бодрствовать, не поступать, не преступать до самого подъема. И, глядя на своих старших розгильдей, я не могу не поклясться, что стану точно таким же...

(Хватка Латыпова слабнет. Одной рукой он начинает самодовольно приглаживать волосы. *Потиха*, воспользовавшись этим, вывертывается и убегает.)

Махотин: Шустрый молодой человек! А что он, собственно тебе докладывал? Для науки это слишком

заумно, а если насчет выпить, то это неправда.

Латыпов (обиженно): Это клятва.

Махотин: Как? Проклятье?

Латыпов (свирепея): Клятва, а не заклятье, дурак!

Махотин: И к чему она призывает?

Латыпов: Слушай! (дочитывает) ... Если же я нарушу эту священную клятву, то пусть мой завтрак, обед и ужин сложат вместе, проинтегрируют по замкнутому контуру, поделят на два пи частей и выдадут мне лишь одну часть. И пусть из меня сделают чучело и сожгут на костре на центральной площади "Кванта"!!

Махотин (зевая): Какая скучища! "Барон Жермон" куда занимательнее!

(*Латыпов* стервенеет и пытается схватить Махотина за горло зубами.)

Махотин (отбиваясь, как может): Во шизик! Его приходят звать на чай, а он жаждет крови!

Латыпов (просветлев): А что, есть чай?

Махотин: Уже полчаса, как стынет!

(*Латыпов* бросается в корпус вожатых.)

Явление 6

На сцену выходит доктор.

Доктор: Послушайте, товарищ Махотин...

Махотин (вздрагнув): Я не Махотин, я - Потиха ... тьфу ... Махотин!

Доктор: Ну все равно, товарищ Мотопехотин, я наблюдаю за Вами уже третью ночь...

Махотин (весьма удивленно): Да? Тогда вчера Вас звали Зуля, а позавчера - Маша!

Доктор: Нет, я не в том смысле...

Махотин: Ах, не в том смысле? Тогда вчера Вас звали Спектором, а позавчера Чистяковым...

Доктор: Вы опять меня не поняли. Я просто хочу

сказать, что у Вас бессонница. А лучшее средство против нее - два килограмма гидропирита...

Махотин: Спасибо, но я вижу, что Вы подвержены этому же недугу. А потому я уступаю свою порцию Вам (поспешно удаляется в баню. Из-за дерева вылезает Масгут Махмутович Сафин.)

Сафин: Доктор, Вы ... ик ... не могли бы мне помочь? А то я ... ик ... все время ик ... ик ... ик ...

Доктор (достает из кармана штанов увесистую упаковку, доверительно): Вот эти таблетки будете принимать семь раз в день перед сном. А пока выпейте, пожалуйста, мою фирменную (достает банку с надписью "Белково-витаминный корм" просит Сафина открыть рот и выливает туда содержимое.)

Сафин: Ик! (Замолкает, потом улыбается.) Большое спасибо, доктор! (Внезапно бледнеет.) Р-гы! (Его выворачивает на рампку.)

Доктор (восхищенно глядя на результаты своего труда): И к е б а - а н а ! ...

Занавес

А К Т   II

Явление 1

Обстановка первого акта. Звучит танец маленьких лебедей П.И.Чайковского. Лебеди со швабрами моют сцену. Где-то вдали слышится громкий всплеск. Голос из-за сцены: "А, черт!" Фонограмма смолкает, уборщицы разлетаются. На сцену босиком и в тине выходит Насыбуллин. Он полуобнажен.

Насыбуллин: Черт подери! Какой дурак догадался разместить болото посреди дачной зоны! (Направляется к бане, из которой выходит *Махотин* с мокрой головой и узлом под мышкой.)

Насыбуллин: Там свободно?

Махотин: Да. Только парная почему-то заперта. А вот на двери крючка нет. Шмотки тут какие-то валяются. Стибрить могли.

Насыбуллин: Ну, это не страшно (берется за ручку двери.)

Голос Лавизиной (из бани): Сволочи! Кто спер мою одежду! Попариться пять минут нельзя!

(*Махотин* испуганно закусывает губу и убегает.)

Абреимова (выглядывая в окно): Тимка! Ты куда наше белье дел?

Насыбуллин: Никуда я его не девал. Вот оно лежит.

Голос Ереминой: А зачем из бани унес?

Насыбуллин (злясь): Я что, очень похож на человека, вышедшего из бани?

Абреимова: Тогда давай сюда! (протягивает руку.)

Насыбуллин: Предлагаю джентльменское соглашение. Я вам одежду, вы на меня - ведро воды. Хоть тину сброшу!

Еремина: Идет. (Забирает одежду. Слышен звук набирающейся воды): Готов? (*Насыбуллин* подходит к окну,

встает под водяной поток и тут же с визгом отскакивает.)

Насыбуллин: Хоть бы немного горячей разбавили!

Голос Лавизиной: Во мужики привередливые пошли: одного кипятком обольешь – не доволен, другого холодной – тоже не нравится!

(*Насыбуллин* подходит к краю сцены, поднимает глаза к небу и почти шепотом произносит): Ладно. Спасибо и на этом. Ведь быть грязным гораздо невыносимее, чем быть холодным. (Поет):

Сударыня, я дьявольски устал.
Прошу понять больного идиота –
Я шел по зову сердца, но попал
Не к Вам, а в это мерзкое болото!

По небу проплывали облака,
А я, как зверь, барахтался в трясине.
Там утопил я оба башмака,
Но приобрел два килограмма тины.

И в этот миг я жаждал видеть Вас,
Рук белизну, полуоткрытый ротик...
Сударыня, мой бог, с кем Вы сейчас?
Где Вы сейчас? – А я, увы, в болоте.

Но боль уйдет. И верю, будет так,
Как я хочу. Весною или летом
Я облачусь в печально строгий фрак,
Затем одену галстук и штиблеты,

До блеска их начищу. Чуть поддам,
Куплю букет гвоздик, сбегу с работы
И подарю прекраснейшей из дам
Большое сердце, как у бегемота!

(Внезапно с гиканьем и свистом на сцену выскакивает кордебалет, одетый в форму Татарского Общественного Центра, возглавляемый Спектором, Фаткуллиным и Утягановым. Спектор и Фаткуллин, танцуя вприсядку, обшаривают все близлежащие кусты в поисках Чистякова. Утяганов скандирует: "Кип-чак-Чис-тя-ков!" Спугнутый со своего места *Насыбуллин* делает неверный шаг и рушится в оркестровую яму.)

Насыбуллин: А ч-черт! (Кордебалет замирает.)

Утяганов: Тихо! Я все понял. Здесь где-то *Насыбуллин*, а значит рядом болото. А дача Чистякова в другой стороне. Вперед! (Кордебалет со своими предводителями уносится прочь.)

Явление 2

На опустевшую сцену входит печальный *Куцевол*. Воет под гитару:

Изгиб гитары желтый к себе прижал, как маму,
На черном небе бисером созвездия зажглись.
Конечно, ночью звездной приятно петь для дамы,
Но нынче ночью девушки все в бане заперлись.

Когда Сайяр трезвеет, уныл он, как огарок,
А Спектор и Фаткуллин, как черти, напильсь.
Я б песню спел веселую про Марабу и Сару,
Но нынче ночью девушки все в бане заперлись.

В Казани нынче Инны, до них мне не добратсья,
Их имена, как раны, на сердце запеклись.
А в корпусе вожатых Ильин и двое братцев,
Ведь нынче ночью девушки все в бане заперлись.

(Замечает голову Насыбуллина, торчащую из оркестровой ямы.)

Куцевол: А ты как здесь оказался?

Насыбуллин: В меня стреляли.

Куцевол: И попали?

Насыбуллин: К сожалению, нет.

Куцевол: Почему "к сожалению"?

Насыбуллин: Потому, что на всем Кордоне не найдется крана, который бы меня отсюда вытащил.

Куцевол: Крана нет, но есть Крамины. Ты посиди здесь немного, я сейчас приду. (Убегает).

Явление 3

На сцену выходит рояль. Кряхтя и постанывая, он останавливается на середине, после чего из-под рояля вылезает Турцев. Он открывает крышку и достает ракетку и волан.

Насыбуллин: Глеб, а Глеб!

(Турцев нервно вздрагивает. Пущенный сорвавшейся рукой волан залетает в окошко бани.)

Голос Абреимовой: Ой, девочки, а ко мне в тазик залетела птичка!

Голос Ереминой: А какой породы?

Голос Абреимовой: Порода бывает только у курей, а у птиц - виды.

Голос Ереминой: А что, курица - не птица?

Голос Абреимовой: Слушай, в мой тазик курица залететь не могла!

Голос Лавизиной (презрительно): Это общипанная курица с птицефермы Глеба Турцева!

(В окно вылетает изъеденный кипятком волан. Глеб машинально отбивает его обратно.)

Голос Абреимовой: Ой, еще одна!

Голос Лавизиной: Слушай, Турцев! Я что, не выходя из душа с тобой играть должна?

Турцев: Виноват, условный рефлекс.

Голос Лавизиной: Рефлекс у него! Ты что, Павловская собака?

Турцев (обиженно): Ну вот, батеньки, обозвали!

Насыбуллин: Глеб, а Глеб! (*Турцев не реагирует.*)

Турцев, черт тебя дери!

Турцев: Батеньки! Если это Насыбуллин, то почему он в бане? А если он не в бане, то где Насыбуллин?

Насыбуллин: Да здесь я, в яме!

Турцев: Н-да, и что ты там делаешь?

Насыбуллин: Не видишь разве – ночью.

Турцев: А почему в яме?

Насыбуллин: Я решил, что в болоте хуже. А наверх я не могу выбраться. К тому же гад Куцевол убежал.

Турцев: Ну, это мы поправим! (*Стучит по крышке рояля.*) Алик, вылезай! (*Из рояля заспанный и злой выползает Рябов.*)

Рябов: Кто звал Рябова?

Турцев: Тут одному товарищу нужно выбраться на поверхность.

Рябов: Что-что? Кому-то, видите ли, нужно! И куда? – Оказывается – на поверхность! И сразу "Рябов, Рябов!" А ведь я, между прочим, спал! Думали, что разбудив меня, вы разбудите Рябова? – Отнюдь! Вы разбудили во мне вторую натуру – Натуру Оскара Тухватуллина!...

Турцев: Но Алик...

Рябов (берет Турцева за грудки): Меня зовут Оскар! Как говорил мой сосед по палате, а это был великий мудрец: "Пробуждаясь от сна, всякий Рябов, хотя бы на миг становится Тухватуллиным!" И чтобы закончить этот постыдный инцидент, я предлагаю Вам, молодой человек, извиниться и больше никогда, слышите – ни-ког-да не

запирать Рябова в рояле!

Турцев (испуганно): Я не хотел, точнее, я хотел, но не имел возможности, точнее имел, я больше никогда...

Рябов (обрывая): Достаточно. Как говорит моя жена, а это тоже великий мудрец, "не найдется в мире Тухватуллина, который, хотя бы на миг, не хотел стать Рябовым." Я прощаю Вас, молодой человек. И если Вы доведете больного и несчастного Рябова до его не в меру узкой постели – считайте, что Вы искупили свою вину! (Уходит, опираясь на руку Турцева.)

(Второй акт подходит к концу. Сцена пуста. Из бани слышится плеск воды, из ямы по-прежнему торчит голова Насыбуллина. Внезапно слева от нее появляется голова Куцевола.)

Насыбуллин: А ты как здесь оказался?

Куцевол: Прошел через кулисы.

Занавес

А к т III

Явление 1

Недалеко от бани, на лужайке, Григорьев и Потиха расставляют телескоп.

Григорьев: Так, левую ногу вперед, правую ногу назад, заднюю ногу вбок. Пузырь на центр – и баста. Как говорил Зигмунд Фрейд: "Хочешь быть бородатым – иди в астрономы!"

Потиха: Ты разве астроном?

Григорьев: Я, прежде всего социолог. По крайней мере, так думает начальство. А ночью, как только оно засыпает, я превращаюсь в педагога-астронома, или сокращенно – педастра.

Потиха: Педастр – это как?

Григорьев: Понимаешь, воспитание должно быть во всем. Скажи: когда ты смотришь на звездочки, они тебя воспитывают?

Потиха (глядя в небо): Пока не очень.

Григорьев: А вот пройдет года два, и если не восстановят бронь, наденешь ты зеленую форму и каждый раз, глядя на любые звездочки, будешь ты выслушивать целую педагогическую поэму. Правда, не в совсем цензурном варианте.

Потиха: Никогда не слышал, чтобы звездочки ругались матом.

Григорьев: Сами звездочки – нет. А вот их обладатели это любят. Особенно, если часть звездочек они примут внутрь. Поэтому учись к каждой звездочке подходить философски и на должном научном уровне.

(Поет) :

Социология – наша стезя –
Связана с тяжким трудом.
Мне воспитание бросить нельзя
Даже в кружке "Астроном".

Звездочки, звездочки, звездочки в ряд,
Мой драгоценный досуг.
Много на небе Тельцов и Плеяд...
Спит старшина Ковальчук.

Потиха: О созвездии Стрельца я еще слышал. Но разве ему дали старшину? И почему именно Ковальчук?

Григорьев: Ну не хочешь Ковальчука, призовем Горбачева.

Потиха: Он разве старшина?

Григорьев: Во всяком случае, не маршал. (Поет):

В поисках новых Психей и Венер
Я озираюсь окрест.
Родина космоса – СССР,
Тот, кто не служит, не ест!

В корпусе школьники мирно храпят,
Я их учитель и друг.
Звезды на небе все время горят...
Спит старшина Горбачев.

Куцевол (из ямы): Ох, Григорьев, загремишь ты по одиннадцатой прим!

Григорьев (испуганно): Я кажется, слышал голос с неба!

Потиха: Да нет. Он, по-моему, шел из земли.

Григорьев: Все равно мистика. А мистика и социология несовместимы. Другое дело – астрономия. Сейчас даже младенцы знают, что планеты оказывают

воздействие на исторический материализм. Особенно Венера. Жаль, что ее сейчас не видно.

Потиха: Ну да! Я могу показать целых три, в стиле Тинторетто (разворачивает телескоп в окно бани).

Григорьев: Нет, это скорее Модильяни!

Голос Абреимовой: Игорь, что это ты все бубнишь там под окном?

Григорьев: Звездочки рассматриваю.

Куцевол (из ямы): Точнее говоря, изучает.

Григорьев (шепчет): Опять голос с неба (украдкой крестится).

Голос Ереминой: И что там видно?

Григорьев (сочиняя на ходу, поет):

Там на Юпитере празднует поп
Тысячелетье Руси.

Потиха (самодовольно поглаживая шевелюру):

Игорь Григорьев глядит в телескоп,
Шепчет Потихе "мерси".

Голос Абреимовой: Какому-такому Потихе?

Насыбуллин (из ямы): Видимо, это фамилия попа.

Голос Лавизиной: А как поп попал на Юпитер?

Потиха: Как, как! По программе "Интеркосмос".
Заброшен ракетой "Энергия".

Лавизина (высовываясь из окна): Я все-таки не совсем поняла насчет тысячелетья (замечает телескоп). Ах, хулиганы! (Мощный удар. Осколки телескопа летят в зрительный зал. *Потиха*, пущенный вслед за ними, не долетев до первого ряда, медленно опускается на головы Куцевола и Насыбуллина. Третий удар вязнет в бороде Григорьева, которая оказывается, вместе с ее обладателем, в кустах крапивы. *Лавизина* удовлетворенно

хмыкает и исчезает в бане) .

Григорьев (поднимаясь из крапивы) : Бить воспитателя! Я этого так не оставлю! (Уходит) .

Насыбуллин (обращаясь к Потихе и Куцеволу) : По сценарию сейчас антракт. Пока зрители будут собирать остатки телескопа, надо попытаться выйти через кулисы. (Уходят.)

Явление 2

С крыши бани спускается *Латыпов*. Он грязен.

Латыпов: Черт подери! Даже дымоход забит сажей! А они еще пытаются рассуждать о правах человека! И это когда представитель коренной нации не имеет доступа к очагу нравственности и культуры! (Обращаясь к зрителям.) Примерно тысячу лет назад мои предки, светловолосые и узкоскулые, на берегу Волги, где-то на этом месте, основали первое в мире правовое государство

- Волжскую Болгарию. Однако потом из-за этих бюрократов (кивает в сторону бани) мы, волжские болгары, потеряли свое настоящее имя. При первой возможности нас стараются облить грязью, а когда мы пытаемся отмыться - нас не пускают в душ! О бедные мои предки! Что с вами?

Где вы?

(Из-за кулис раздается мощный хор: "Мы здесь!" На сцене появляется народный вокальный ансамбль, состоящий из Куцевола и членов общества "Булгар аль Джадид". *Куцевол* играет на гитаре, *Латыпов* поет):¹

---

¹ Песня приводится в переводе с татарского.

Когда я один в пустынном краю,
Я в руки беру гитару
И песню о предках моих пою.

Хор: Болгары, болгары,
Волжские болгары!

Великое братство мужей и жен
Одетое в шаровары.
Я с детства их обликом светлым пленен.

Хор: Болгары, болгары,
Волжские болгары!

Девушки их, красоты неземной,
Ставили самовары.
Узкие скулы, волос льняной.

Хор: Болгары, болгары,
Волжские болгары!

Развился в Казани семейный подряд,
Повсюду кипели базары.
Кто первым в Россию привез сервелат?

Хор: Болгары, болгары,
Волжские болгары!

(Латыпов подходит и обнимает угол бани, продолжая
петь) :

Болгарки, я вас никому не отдам,
Ни Спектору, ни Сайяру.
Кто первым сказал "Мин син яратам?"

Хор: Болгары, болгары,
Волжские болгары!

Настала пора изменить в паспортах
Строку, что ужасней кошмара.
Давайте писаться отныне в веках –

Хор: Болгары, болгары,
Волжские болгары!

(Песня заканчивается грандиозным хороводом вокруг бани с выкрикиванием национальных лозунгов. Когда музыка смолкает, и хор удаляется, в наступившей тишине *Латыпов* произносит):

Да, национальный энтузиазм можно поднять, но, увы, на короткое время. И сразу после этого изо всех нор, один за другим выползают деклассированные элементы. (Глядит за кулисы). Кажется, один такой элемент уже в пути. И чтобы сохранить болгарский генофонд в неприкосновенности, умный человек спрячется за дерево. (Скрывается за дубом. На сцену выходит *Григорьев*, переодетый до неузнаваемости: на нем шапка-петушок, телогрейка, спартаковские боты. В руках – монтажка. То что это *Григорьев* понимают только зрители, поскольку в программках спектакля имеется краткое содержание).

Григорьев (потирая монтажкой синяк под глазом): Обижать воспитателей – нехорошо! Пусть они это знают! И хотя мировая педагогика в лице *Утяганова* и *Фаткуллина* давно отвергла методы запугивания, но наша психосоциологическая практика показывает эффективность шоковой терапии. (Пробурчав несколько слов, лезет в окошко бани).

Латыпов (из-за дерева): Незванный воспитатель хуже татарина!

(*Григорьев* практически уже в окне, но тут из бани

раздается боевой клич, дверь распахивается, и выскакивают главные героини. Облив Григорьева кипятком, они хлещут его шайками и банными вениками. Поверженный зам директора по воспитательной работе опять скатывается в крапиву. Воспользовавшись суматохой, *Латыпов* пытается впрыгнуть в баню, но, получив случайный удар шайкой, падает без сознания. Девушки скрываются в бане и опять затворяют дверь. Из парной доносится триумфальная песня. Поскольку текст ее не совсем приличен, зрители слышат только окончания фраз):

Ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля,
Ля-ля, ля-ля, по морде.
Ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля,
Ля-ля, ля-ля, ля шайкой.

Ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля,
Ля-ля, ля-ля, смачно.
Ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля,
Еремина Рушана.

(К окончанию песни к бане подползает вконец разбитый *Григорьев*).

Григорьев: Девочки, у вас все спокойно?

Голос Абреимовой: Это ты, Игорь! К нам тут пытался пролезть один из местных, но мы его здорово отдубасили!

Григорьев: Но девочки, ведь мировая педагогическая практика в лице *Насыбуллина* и *Бадриева* отвергает телесные наказания!

Голос Ереминой: Да, но ведь опыт казанских социологов показал эффективность шоковой терапии. И уж тебе-то, Игорь, это должно быть известно!

Григорьев: Ну это ж надо, а! (Испускает дух. Слышны

крики: "Врача, врача!")

Явление 3

Доктор (выходя из зала): А я уже здесь. (Обращаясь к *Утяганову*, сидящему в первом ряду) Не курите здесь, пожалуйста. Капля никотина убивает лошадь.

Утяганов: Но я жив! (Уходит, обиженно).

Доктор (зрителям): Однако, лошадиная доза антибиотика способна поднять даже совершенно дохлую кобылу. (Не замечая *Григорьева*, подходит к *Латыпову* и всыпает ему в рот все содержимое аптечки. *Латыпов* вскакивает и начинает безудержно бегать по сцене).

Доктор: Кажется, я несколько перестарался. Но ничего. Через две недели, если он выживет, у него это пройдет.

Григорьев (не впуская дух): А как же я?

Доктор: А Вами займется младший медицинский персонал.

(На сцену вбегают братья *Крамины*, одетые санитарями, забирают *Григорьева* и уходят вместе с доктором. *Латыпов*, пронесившись пять минут по сцене, скрывается под кустом.)

Явление 4

Под барабанный бой маршем выходят *Утяганов*, *Фаткуллин*, *Рябов*, *Махотин*, *Спектор*, *Чистяков* и братья *Крамины*.

Утяганов (командует): Стой, раз, два! На ле-ву! (все поворачиваются лицами к публике. *Утяганов* обходит строй, произнося речь).

Утяганов: Всем молчать и слушать меня. Уясняю обстановку на ноль часов 183 минуты местного времени.

Только что в треугольнике, обозначенном точками сортир, другой сортир и еще один сортир, Латыпов и иже с ним, под прикрытием общества "Булгар аль Джадид" попытались создать боевую группу для штурма бани. В этих условиях настала пора для консолидации всех здоровых сил. Мы с вами одной крови. Мы все – коренные жители республики Татарстан. Ведь так, ипташлар?

Чистяков: Воистину.

Утяганов: Мы – коренные жители Татарстана, но ведь не болгары? Верно?

Спектор: Какие же мы болгары, если например я, извините за выражение, по паспорту русский!

Утяганов: То-то и оно. А теперь сделаем маленькое логическое заключение. С одной стороны, мы коренные здешние. Но с другой – не болгары. Значит, мы кто? Жду ответа. Рябов, Вы что-то хотите сказать?

Рябов: Во-первых, прошу не называть меня Рябовым! Пора понять, что вы имеете дело с Тухватуллиным! А во-вторых (показывает на Утяганова) этот субъект, видите ли, интересуется, кто мы такие! Да кто он сам такой?

Утяганов (перебивая): У Вас все, товарищ? Спасибо. Будут еще замечания? Предложения? В таком случае, заявляю: Вы, Рябов, и Вы, Махотин, Вы, Спектор, и Вы, Чистяков, словом все мы – кипчаки!

Фаткуллин: Ишь, открыл Америку! Да я это с детства знаю! Кипчак кипчака видит издалека! (Начинает отплясывать, напевая: "Я Кипчак и ты кипчак, все мы братья Крамины").

Рябов: Что, и я тоже кипчак! Но какое, простите, имеет отношение Рябов к вашим кипчакам?

Утяганов: Но ты же Тухватуллин!

Рябов: С этой минуты я Рябов! И прошу впредь не называть меня ни кипчаком, ни чуханом, ни тем более Тухватуллиным!

Чистяков: Кипчак – это случайно не ругательство?

Утяганов: Напротив! Кип – по-английски – держи, чак – это половина от чак-чака. Итого – держи чак-чак (раздает всем по куску).

Спектор (прожевывая): Да, неплохо быть кипчаком. Кто это тебе столько дал?

Утяганов (гордо): Татарский общественный центр, сокращенно – ТОЦ.

Спектор: А, понятно! Воц, тоц, перевертоц, бабушка здорова...

Утяганов: Оставь бабушек в покое. Переходим к делу. (Обходит строй). Фаткуллин! Вас я назначаю сборщиком членских взносов. Будете каждый день брать по рублю с носа. Не можете с носа – берите с рыла. Личная просьба: позавчера Вам было поручено доставить из Казани Инну Мадьярову, а вместо этого Вы притащили какого-то малолетнего шахматиста. Его папаша своим плохим английским прононсом порядком надоел. Пожалуйста, больше этого не делайте. Чистяков! Вы будете моим заместителем по воспроизведению национальных кадров. Я подчеркиваю – национальных! Только не понимайте это слишком буквально. Мы против демографического взрыва, поэтому будьте разборчивее. Братья Крамины! Поскольку вас, как минимум, два – вы составите взвод моей личной охраны. Командиром взвода назначаю Рябова.

Рябов: Сколько можно! Я устал объяснять...

Утяганов (обрывая): То, что Вас не устраивает, мне известно. В связи с этим, предлагаю Вам присвоить имя Вашей же жены и называться Иреком Сибгатуллиным. Теперь Спектор! Одно время Вы собирались стать моим личным поваром. Однако, после того, как Вы угостили меня наливкой производства Вашего батюшки, я скорее отравлюсь, чем сделаю такое назначение. Поэтому я рекомендовал бы Вам должность зам Чистякова по кадрам.

Спектор: Благодарю. Но лучше мы будем работать параллельно.

Утяганов: Махотин! Вы, как лицо, прибывшее к нам с запада, назначаетесь поставщиком иностранной валюты.

Махотин: Вы опоздали, мин херц. Валюта у меня была, но вчера... (поет "Yesterday" на чистом оксфордском наречии).

Утяганов: Тихо! Сюда идут! Помните: конспирация, конспирация и еще раз она! Приказываю всем залечь под куст. (Все прячутся.)

Явление 5

Со стороны туалета с гитарой и Куцеволом появляются *Турцев, Столов и Насыбуллин.*

Насыбуллин: Вовка! Куда ты нас ведешь?

Куцевол: Латыпов очень просил. Обещал, если мы освободим для него баню, он расцелует каждого.

Турцев (морщась): Пусть хотя бы каждого второго!

Столов: А как нам их выгнать?

Куцевол: Лучший способ выманить женщину - спеть ей серенаду. (Поют):

От столовой аж до бани,
В мрачном сумраке ночей
Раздаются завыванья
И чадит угар печей.

Фонари тусклей лампы.
Уж давно пробил отбой.
Мы же тихой серенады
Вам поем куплет-другой.

Готовы мы рьяно
Вам петь до зари.
Лишь только Рушана,
Лишь только Рушана
Свой взгляд подари!

Под окном несчастный Столов,
Сам судьбе своей не рад.
Он в сравненье с Куцеволом
Очень стар, к тому ж женат.

Глеб поет "Проснись, Оксана,
И покинь свою кровать!"
Он партнером постоянным
В бадминтоне хочет стать.

К тебе капитаном
Я по морю шел.
О выйди, Оксана,
О выйди, Оксана!
Я твой Куцевол!

Солона от слез тельняшка -
То рыдает Куцевол.
В бухте Тимбукту бедняжка
Тети Сары не нашел.

Насыбуллин Тима - мастер
В прохождении болот.
Ведь недаром в психдиспансер
Он поставлен на учет.

Прозрачного тюля
Рукою коснись.
Прелестная Юля,

Прелестная Юля
В окне покажись!

Чтобы Спектор не ворвался
Нужно двери запирать.
Он сегодня нализался,
Пусть идет к Сайяру спать.

Сам Сайяр сегодня смирный,
Он не курит и не пьет.
Вот придут скоро Инны -
Тут он душу отведет.

И новые песни
Придумает жизнь.
Не надо, девчата,
Не надо, девчата,
О песне тужить!

Куцевол (кричит, что есть мочи): Девушки! Вы слышите нас? (Эхо повторяет "мать, мать, мать!")

Голос Ереминой: Всю ночь только и делаем, что вас слушаем.

Куцевол (доставая из-за пазухи бумажный свиток): Вот здесь содержится обращение к вам с просьбой освободить баню. Оно подписано всей мужской половиной лагеря "Квант", включая вожатых, школьников и строителей. Второй экземпляр я отдаю для ознакомления в зрительный зал.

Голос Лавизиной: Что ж, раз народ просит, мы умываем руки!

(Включается яркое освещение, оркестр начинает играть канкан, дверь бани распахивается, и оттуда, пританцовывая, выходят главные героини. Из-за куста раздаётся томный вздох и через минуту, обнаруженные

всеми оттуда появляются *Латыпов, Утяганов, Рябов, Фаткуллин, Спектор, Чистяков, Махотин* и *братья Крамины*. Из-за кулис выходят *Потиха, Григорьев* и *Доктор*, который выносит на руках икающего *Масгута Махмутовича* и передает его по кругу. Артисты кланяются зрителям. В зале овация. Пионеры с первых рядов преподносят Чистякову цветы. И тут сквозь праздничный гам до слуха доносится фраза:

- Стойте, стойте!

(Все поворачивают головы и видят, как на сцену из зала влетает *Пекуровский*. Зрители умолкают.)

Пекуровский (громко): Стойте, стойте! Что же это получается? Загляните в ваши программки! Страница третья, самый низ. Читайте: "В роли Пекуровского - Пекуровский." Все нашли? Я повторяю, третья страница, читать внизу. А теперь скажите - в каком акте был задействован Пекуровский? Ну? В каком акте? Я имею в виду, какой он номер по счету? Не помните? Так я вам объясню. Эти авторы, эти *Насыбуллин* со *Столовым* могут писать что угодно, о чем угодно, только не о Пекуровском! И это в то время, когда весь народ хочет видеть Пекуровского на съезде, пардон, на сцене, и не в отдельном эпизоде, а в главной, выражаясь прилично, мужской роли!

Солов: В принципе, мы можем написать, что Пекуровский все действие просидел в бане.

Пекуровский: Нет, это не пойдет, это пошло, пошло!

Насыбуллин: Тогда напишем, что Пекуровский всю ночь провел на девятнадцатой партконференции.

Пекуровский: Во-первых, меньше чем на съезд я не согласен, и то при условии совмещения должностей. А во-вторых, конференция по ночам не работает!

Латыпов: На тебя не угодишь. Не нравится пьеса - это твоя личная трагедия. Не веди время, а то я так и не смогу помыться в бане.

Пекуровский: Нет! Здесь меня решительно не понимают! Пойду к Малаху... а лучше к Федору. Они-то уж напишут эпохальное произведение об инвалиде, пардон, о герое труда, лауреате двух развивающихся государственных премий, всенародном академике, генеральном секретаре Организации Объединенных Наций, наконец, просто о лидере Вселенной - Викторе Пекуровском! А кому это не нравится - пусть идет в баню!

Занавес

Казань 1989
(январь - июнь)